

РАДЫ видеть вас в нашем Кремле! — таким радушием приветствием встречали молодые «хозяйки бала» гостей со всех широт и меридианов земного шара, прибывавших в тот вечер в Московский Кремль. И было в этом приветствии что-то действительно «хозяйское»: в звонком голосе нарядной, во все светлые одетой девушки, в скромной ее, но полной застенчивого достоинства осанке проступало не только радушие, но и гордость за наш общий большой советский дом.

Фотохудож. А. Ляпина

Это сразу напоминало гостю, где бы он ни родился — в портовых ли кварталах Роттердама или в коттедже зажиточного «делового человека» Сиднея, на ранчо одного из штатов Америки или в бамбуковой хижине Цейлона, — что он находится в стране, где и на священном ледяном холме, окруженном знаменитой древней стеной со звездными башнями, чувствуют себя, как дома, все простые люди народа.

Когда-то, в старину, стрельбы у ворот Кремля перекликались по ночам, возгласам славы русским городам: «Славен град Москва!», «Славен Псков!», «Славен Суздаль!». А в этот августовский вечер глашатая у Спасских и Боровицких ворот, голосистые парни с московских заводов и из институтов столицы, передавали друг другу по цепочке торжественные сообщения о прибытии молодых посланцев дружбы из таких далеких мест, что только из колокольни Ивана Великого увидишь...

«Прибыла делегация Италии!», «Прибыла делегация Вьетнама... Делегация Венгрии!...» И тогда же навстречу гостям неслись приветствия, подбегали девушки, брали под руки гостей и вели их по пологому склону аллеи Тайницкого сада, в зелени которого рассыпалась огни.

Часам к девяти в Кремле собралось уже тысяч пятнадцать участников фестиваля и московских юношей и девушек. Двери знаменитых соборов-музеев Кремля и Оружейной палаты были широко открыты, гости с жадным, по-настоящему молодым интересом осматривали исторические достопримечательности.

Запели трубы над Кремлем, и все поспешили на Ивановскую площадь, к центру праздника. Трубы слышались под шатрами старых островных башен и в эвондике колокольни Ивана Великого. И когда сигнал облетел все башни и запел над Ивановской площадью, поднялась на эстраду «хозяйка бала».

Приветствуя гостей Кремля, она предложила минутку помолчать, постоять в тишине, чтобы всем вместе послушать бой Кремлевских курантов. Все смолкло. И в эту минуту оживилось у многих уселось подумав...

Кремль не раз видел на своем веку тех, кто прибывал сюда, неся слово дружбы и братства от имени своих народов. И всегда славилось гостеприимство Московского Кремля, умевшего торжественно встретить доброжелательных посланцев. Но вряд ли когда-нибудь сразу, в один час, собралось в стенах Кремля столько мирных посланников со всех концов света! И в эту паузу, которая отделяла нас от официального начала бала, в то короткое мгновение, когда все зашло на площадь Кремля...

В этот вечер в Кремле, в тишине курантов. Десятка часов вечера. С последним ударом вступает оркестр, и первые широкие такты вальса раскатываются над Ивановской площадью. Бал открыт, и вот уже вся широкая площадь вовлечена в вихревое кружение танца.

Перед колокольней Ивана Великого итальянцы участвуют в танце, а итальянцы участвуют в танце, а итальянцы участвуют в танце... И надо вам сказать, гости из Рима, Венеции, Неаполя, Падуи оказались чрезвычайно способными учениками. Пять минут не прошло, как они уже переняли у своих кавказских друзей все характерные приемы, орлиную повадку, свойственную этому летучему горскому танцу. Я направлялся туда, где перед Грановитой палатой негритянке юности танцуют с белокурой эстонкой какой-то африканской танец, а им Лев КАСИЛЬ

анкомпанирует на губной гармошке юноша-бельгиец. А когда я возвращаюсь снова на Ивановскую площадь, там уже грузинки участвуют у своих друзей с Апеннин итальянской танцевальщицей... У Большого Кремлевского дворца плещут знаменитую русскую пляску «Перенцу» («Подушечку»). И, как такового требует ритуал танца, посреди круга шлепчут веселый араб с застенчивой австрийкой, канадец с индианкой... Ничего не скажешь, танцы уж правила «Перенцы», а кто ее не танцевал, тот и веселье не звал!

В ночном синем небе высятся белокаменные громады кремлевских соборов, ярко высветленные прожекторами. Прожекторы, описывающие весь Кремль, вскидывают свои лучи, которые сходятся в зените над нами. А молодежь все кружится, танцует, поет, шумит — вот уж когда можно сказать «во всю Ивановскую»... И дружные возгласы на разных языках, призывающие к миру, к дружбе, звучат на этой старой кремлевской площади — звучат не только «во всю Ивановскую», но и на весь мир.

В ПОЛНОЧЬ сносятся раскатываются сигналы трубы. В этот же миг полночь превращается в полдень: тысячи цветных ракет взлетают в небо. Они как бы приподнимают его ночную синеву над Кремлем и заливают все своим танцующим светом. В голубых дымах ракет, в их осыпавшихся радужных гроздьях купаются золотые маковики кремлевских соборов, алые звезды башен. А внизу плещется огненная зыбь факелов, и с новой силой вспыхивает жар фестивального бала. И кажется, что на всем, словно бы еще более раздвинувшись, простраивается Кремля седая, величавая старина широко распахивается перед румяной, ясноглазой новью.

Очень интересным было позавчерашнее воскресенье в Лужниках. Не менее интересным будет и сегодняшний вторник: с десяти утра во Дворце спорта вступают в борьбу за первенство гимнасты.

Очень интересным было позавчерашнее воскресенье в Лужниках. Не менее интересным будет и сегодняшний вторник: с десяти утра во Дворце спорта вступают в борьбу за первенство гимнасты.

Очень интересным было позавчерашнее воскресенье в Лужниках. Не менее интересным будет и сегодняшний вторник: с десяти утра во Дворце спорта вступают в борьбу за первенство гимнасты.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 94 (3750)

Вторник, 6 августа 1957 г.

Цена 40 коп.

Встречи, дискуссии, споры...

В Международном студенческом клубе

НАЧАЛАСЬ вторая неделя фестиваля, и вот одна внешняя подробность, хорошо передающая, в каком направлении неуклонно развивается все содержание праздника.

Водители фестивальных автобусов, которые в первые вечера демонстрировали свое умение преодолевать мощные живые заслоны, возникшие на праздничных московских магистралях, теперь должны проявлять, главным образом, терпение: встреча, скажем, молодых текстильщиц вместо назначенных десяти часов вечера может закончиться в двенадцать, а студенты, изучающие право или химию, могут просперить далеко за полночь...

Так нередко случается на Ленинских горах, возле здания МГУ, где размещается Международный студенческий клуб. Здесь разговоры и обсуждения, начавшись в аудиториях, под руководством разноязычных, но деловых президентов, переносятся затем в кафе, комнаты отдыха, кафе. Они не кончаются и возле самой двери автобуса, так гостеприимно распахнутой...

Это идущее вглубь пытливого знакомства, когда в ходе теснейшего личного общения мысли и взгляды собеседника берутся, что называется, «на ощупь», когда так естественно укрепляются дружеские привязанности и возмывается чувство ответственности за судьбы мира, за будущее человечества.

КЛУБ не пустует ни единого часа. Бывает, что около входа собирается множество народа, стремящегося попасть на вечер. На днях в этой жаркой обстановке у главного входа произошел такой диалог.

— Пропустите толпу, — весьма категорически сказал делегат фестиваля, представляющий одну из буржуазных газет, — или я напишу свою газету, что у вас нет демократии.

— Дорогой друг, — ответил ему мокрый от пота парень, выполняющий обязанности контролера. — Пройдемте вместе со мной, и я покажу вам, почему мы не можем пропустить всех желающих. Был вечер популярных мероприятий. Он собрал такую аудиторию, что тесным оказался даже актовый зал университета. Пройдись по переполненному фойе, поглядывая весело танцуют гости вместе с москвичами, корреспондент, кажется, раздумал молниировать в газету. Во всяком случае, на своем трастевани он больше не останавливался. На том и кончился этот маленький диспут.

На третий день обмен мнениями продолжился во время эссеистики в Яснополянской музыкальшколе Льва Николаевича Толстого. Краткий газетный отчет не позволяет, разумеется, передать читателю взгляды всех ораторов (выступило около тридцати человек). Здесь можно отметить лишь самый дух этого дружеского спора.

Константин Федин точно выразил главное в полемике, сформулировав вопрос таким образом: сталкиваются ли между собой, взаимосближаются ли друг друга традиции и новаторство? Дилемма эта остро стоит перед каждым, кто выходит из самостоятельного творческого опыта, ибо он должен обязательно решить, на кого из предшественников ему опираться и как писать, не повторяясь. Борьба за форму будет идти всегда, но есть задача, определяющая подлинное новаторство: речь идет о творческом освоении нового мира и нового в человеке. Мысли и наблюдения над французской литературой, изложенные французским поэтом Добжинским, и яркий рассказ о судьбах латиноамериканского романа, сделанный Астуриасом, убедительно подтверждали тезис о глубоком внутреннем единстве традиций и новаторства.

Когда берет слово парижский студент Ксавьер Лериль-Анжер, то он прежде всего отмечает, что дискуссия приняла острый и напряженный характер. Лериль-Анжер считает, что только разрыв с традицией позволяет писателю создать нечто новое. Яркую речь французского писателя Жан-Пьера Шаброля признаывает мысль о высоком уровне культуры в разных языках, но язык настоящего прогрессивного искусства, язык мира и дружбы равно понятен и близок всем.

Краткие приветствия, с которыми выступили гости, сменялись оживленными беседами в кулуарах, танцы перемежались с общей дружеской песней. Затем был показан международный концерт. Зрители увидели мастерство представителей искусств разных народов.

Все они говорили на разных языках, но язык настоящего прогрессивного искусства, язык мира и дружбы равно понятен и близок всем.

Краткие приветствия, с которыми выступили гости, сменялись оживленными беседами в кулуарах, танцы перемежались с общей дружеской песней. Затем был показан международный концерт. Зрители увидели мастерство представителей искусств разных народов.

Кругом назначены литературные, о том, что писатель не может хорошо писать, если сам он не совершенствуется как человек, не обогащает себя драгоценным опытом мировой культуры. Член советской делегации на семинаре Т. Балашова уточняет: считает ли Лериль-Анжер, что все крупные произведения рождаются из абсолютного отрицания действительности? Т. Балашова указывает при этом на пример Романа Роллана и Роже Мартена дю Гара, в творчестве которых обличение зла отнюдь не исключало пафоса утверждения. Взяв слово для ответа на поставленный вопрос, Лериль-Анжер заявил, что не является сторонником искусства для искусства, и подробно изложил свои взгляды на эту проблему.

Студентка из Сорбонны Лизи Бабет высказала свои мысли о направлении в современной французской литературе, связанном с именами Ж.-П. Сартра и некоторых других писателей. «Они пишут о смысле жизни», — сказала Бабет, — раскрывая перед нами абсурдность вселенной, и это интересует молодежи». Станислав Нейман (Чехословакия) ответил Бабет, обратив внимание на одну примечательную особенность, которая сближает все мировые шедевры, ставящие вопрос о смысле жизни, о назначении человека. Идет ли речь о респексах Сикстинской капеллы, о «Героической симфонии» Бетховена или о творчестве Данте — всех их объединяет глубокая любовь к человеку, вера в него. Эта неуязвимая традиция растет и развивается, она живет в пылающем сердце горьковского Данко, в стихах Маяковского, в «Слове перед казнью» Юлиуса Фучника...

Так шел этот дружеский спор... В ходе его отчетливо раскрывалась прочность позиции тех, кто считает, что новаторство так же неотделимо от традиции, как форма неотделима от содержания. Он давал богатую пищу для размышлений каждому, кому дорог в литературе расцвет тех светлых мыслей и высоких чувств, которыми объединены сегодня участники фестиваля.

А. АФИНОГЕНОВ

А. АФИНОГЕНОВ

А. АФИНОГЕНОВ

Кругом назначены литературные, о том, что писатель не может хорошо писать, если сам он не совершенствуется как человек, не обогащает себя драгоценным опытом мировой культуры. Член советской делегации на семинаре Т. Балашова уточняет: считает ли Лериль-Анжер, что все крупные произведения рождаются из абсолютного отрицания действительности? Т. Балашова указывает при этом на пример Романа Роллана и Роже Мартена дю Гара, в творчестве которых обличение зла отнюдь не исключало пафоса утверждения. Взяв слово для ответа на поставленный вопрос, Лериль-Анжер заявил, что не является сторонником искусства для искусства, и подробно изложил свои взгляды на эту проблему.

Студентка из Сорбонны Лизи Бабет высказала свои мысли о направлении в современной французской литературе, связанном с именами Ж.-П. Сартра и некоторых других писателей. «Они пишут о смысле жизни», — сказала Бабет, — раскрывая перед нами абсурдность вселенной, и это интересует молодежи». Станислав Нейман (Чехословакия) ответил Бабет, обратив внимание на одну примечательную особенность, которая сближает все мировые шедевры, ставящие вопрос о смысле жизни, о назначении человека. Идет ли речь о респексах Сикстинской капеллы, о «Героической симфонии» Бетховена или о творчестве Данте — всех их объединяет глубокая любовь к человеку, вера в него. Эта неуязвимая традиция растет и развивается, она живет в пылающем сердце горьковского Данко, в стихах Маяковского, в «Слове перед казнью» Юлиуса Фучника...

Так шел этот дружеский спор... В ходе его отчетливо раскрывалась прочность позиции тех, кто считает, что новаторство так же неотделимо от традиции, как форма неотделима от содержания. Он давал богатую пищу для размышлений каждому, кому дорог в литературе расцвет тех светлых мыслей и высоких чувств, которыми объединены сегодня участники фестиваля.

А. АФИНОГЕНОВ

А. АФИНОГЕНОВ

А. АФИНОГЕНОВ

БАЛЛАДА О СМЕЮЩЕМСЯ МАЛЬЧИКЕ

Косы, заплетенные короной. Ни морщинки на высоком лбу... Принесли ей с фронта похоронную — Вдовью, безысходную судьбу.

Ахнула, потом заголосила, Тяжело осела на кровать. Все его, убитого, просила Пожалеть детей, не умирать.

Люди виновато подходили, Будто им в укор ее беда. Лишь один жилец у нас в квартире Утром встал веселый, как всегда.

Улыбнулся сын ее в кровати, Просто так, не зная отчего. И была до ужаса нескатна Радость несмысленная его.

То ли в окна сладко пахла мата, То ли кот поправился ему. Только он доверчиво и свято Улыбался горю своему...

Летнее, ромашковое утро. В доме плачет мать до немоты. Он смеялся. Значит, это мудро, — Это, как на трауре цветы.. И на фронте, среди ночей — Кромешных, крохотный, безгрешный, Бог веселиль радости земной.

Приходил он в тюрьмы без боязни На забавных ножахных кривых, Оселял улыбку перед князья Лица красноречивых молодых.

Он как врасплох в частушке, в поговорке, В лихости народа моего. Насреддин и наш Василий Теркин — Ангель-хранители его!

...Цельный мир в Москве моей собрался, Фестивальным песням нет конца. Значит, он недаром улыбался, Мальчик, что остался без отца!

НА УЛИЦАХ МОСКВЫ

Трубка мира

Интересные значки. Рисунки худ. Ю. Цивилева

ПРИЕМ В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Вчера в Союзе писателей СССР состоялся прием большой группы греческих литераторов — председателей союз писателей Греции Стратиса Мирнилиса и Спироса Теодорупулоса, бывшего министра социального обеспечения Христоса Соломонидиса, поэтессы Авги Сакали, генерального секретаря одного из союзов писателей Греции Марию Ралли, поэта и журналиста Никифороса Вретакоса.

По просьбе гостей, А. Сурков рассказал о зарождении и развитии советских национальных литератур, о событиях, которые произошли в литературе между двумя писательскими съездами, об участии советских литераторов в борьбе за мир.

О состоянии греческой литературы и о борьбе писателей Греции за мир говорил Н. Вретакос. Он выразил надежду, что встречи с советскими писателями помогут писателям двух стран лучше узнать друг друга.

А. Сурков ответил на вопросы, касающиеся книгоиздания в СССР, системы авторского права и правил приема в Союз писателей, деятельности Литературного фонда СССР, быта и творчества советских литераторов.

Воскресным вечером в Колонном зале Дома союзов состоялось встреча участников фестиваля с деятелями литературы и искусства.

Здесь собрался художники самых разных стран, самых разных народов мира — итальянский певец Тито Скипи и советский композитор А. Новиков, китайский поэт Эми Сюэ и шотландский издатель Мак-Лелен, советский киноартист Борис Чирков и индийский актер и режиссер Радж Капур и многие другие.

Воскресным вечером в Колонном зале Дома союзов состоялось встреча участников фестиваля с деятелями литературы и искусства.

Языки дружбы

Воскресным вечером в Колонном зале Дома союзов состоялось встреча участников фестиваля с деятелями литературы и искусства.

Здесь собрался художники самых разных стран, самых разных народов мира — итальянский певец Тито Скипи и советский композитор А. Новиков, китайский поэт Эми Сюэ и шотландский издатель Мак-Лелен, советский киноартист Борис Чирков и индийский актер и режиссер Радж Капур и многие другие.

Воскресным вечером в Колонном зале Дома союзов состоялось встреча участников фестиваля с деятелями литературы и искусства.

Здесь собрался художники самых разных стран, самых разных народов мира — итальянский певец Тито Скипи и советский композитор А. Новиков, китайский поэт Эми Сюэ и шотландский издатель Мак-Лелен, советский киноартист Борис Чирков и индийский актер и режиссер Радж Капур и многие другие.

Воскресным вечером в Колонном зале Дома союзов состоялось встреча участников фестиваля с деятелями литературы и искусства.

Здесь собрался художники самых разных стран, самых разных народов мира — итальянский певец Тито Скипи и советский композитор А. Новиков, китайский поэт Эми Сюэ и шотландский издатель Мак-Лелен, советский киноартист Борис Чирков и индийский актер и режиссер Радж Капур и многие другие.

Воскресным вечером в Колонном зале Дома союзов состоялось встреча участников фестиваля с деятелями литературы и искусства.

ВИДЕНИЕ МИРА И ПАРТИЙНОСТЬ ХУДОЖНИКА

ЛЕТОМ 1925 года Эйзенштейн начал снимать юбилейный фильм о первой русской революции. Сценарий был того типа, какой обычно называют «широким историческим полотном». Сценарист (Н. Агаджанова) пытался охватить в нем все важнейшие события революционного года — от 9 января до декабрьского восстания.

Съемки, начатые в Ленинграде, не закончились. Погода была хмурая: группа простаивала. Через некоторое время часть группы, выехавшая в Одессу, сообщила, что там стоят великолепные солнечные дни, условия для съемок — идеальные.

Эйзенштейн приехал в Одессу (не только будет здесь сниматься, что он получил архитектурное образование) и увидел одну из достопримечательностей города, которой одеситы неумеренно гордятся, — лестница. Она оказалась могучим возбудителем творческой фантазии режиссера. Не имея решительно никакого отношения к восстанию на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», к событиям, разгравшимся в Севастополе, лестница — вопреки мелочной исторической точности — стала местом действия центрального эпизода фильма.

Огненные в Ленинграде куски полетели в корзину. Эпизод «1905 год» остался неуспешной. Единичный революционный эпизод, занимавший в сценарии достаточно скромное место (44 кадра из общего числа восьмисот), разросся в фильм, составивший эпоху в развитии мировой кинематографии. «Фильм снимался вдохновенно. Творческое воображение талантливого мастера работало исключительно интенсивно. Счастливые находки возникали тут же, в процессе съемки. Фильм рождался, как песня» (Н. Лебедев. «Очерк истории кино СССР»).

Почему мы вспоминали эту известную страничку из истории советского киноискусства? Чтобы подчеркнуть влияние случайностей на художественное творчество? В самом деле, случайности выступают здесь в четкую цепь: дожди-

вое лето в Ленинграде — поездка режиссера не в Севастополь, историческое место действия, а в Одессу (там находилась кинофабрика со съемочным ателье) — личные архитектурные интересы и наклонности Эйзенштейна.

На первый взгляд, именно случайности определили фактуру и художественный облик культиминационной сцены «Броненосца «Потемкина». Но только на первый взгляд. Чем глубже мы вникаем в эту сцену, тем убедительнее, сильнее и неотразимее будет звучать вывод, совершенно противоположный. Для этого нужно только поставить себе вопрос: что хотел увидеть Эйзенштейн в лестнице, что в начале представляется его творческому взору, когда он окидывая взглядом мерный ряд мертвых каменных ступеней, спускавшихся к морю? И тогда мы убедимся, что случайности определили только возможность восславления творческого воображения художника. Самое же содержание образов, созданных художником на фоне и в лестнице, полностью обусловлено целью художника, направленностью его видения. Нельзя понять, что Эйзенштейн нашел в лестнице, если не исходить из того, что он искал в ней.

Каким же возможностями раскрыла в лестнице ищущая мысль художника? Эйзенштейн (и его архитектурный «профи» помог этому) остро ощутил потенциальные сокровища пространственного ритма — в членении маршей, в чередовании ступеней и площадок. Но этот пространственный ритм не существует сам по себе в фильме, ибо сам по себе он для киноискусства пуст. Пространственный ритм имеет лишь основу, канвой для драматического ритма, для потрясающей чувственной драмы. А драматический ритм перерастает в исторический, перекликается с философией, с масштабами истории. Ритм стал как бы залогом взрывчатого, ошеломляющего воплощения революционного пафоса, революционной мысли картины.

Анализ «лестницы»

АНАЛИЗ «лестницы» неопровержимо подтверждает, что ни понимание, ни эстетическое наслаждение художественной формой невозможно вне восприятия и осмысления идеи, вдохновившей и наклонности художника.

В ритмическом строе «лестницы» прежде всего выделяется контрастное сочетание двух линий: «солдаты спускаются к морю» и «коляска». Мертвенно тяжело, тупо чеканя шаг, с злобной неотвратимостью спускаются солдаты с ружьями наперевес. В том же направлении — по диагонали вниз — катится коляска. Сходство рисунка движения еще резче подчеркивает абсолютно противоположный ритм «коляски». Коляска с ребенком почти невесома. Она как бы летит по ступенькам. Как бы в противовес своей «природе» она стремится вниз, в пропасть, в смерть. И это движение навстречу своей гибели, это падение воздушной легкой коляски настолько чудовищно ненормально и в то же время настолько магически стремительно, настолько пластично ошутимо, что хочется чуть ли не протянуть руку, чтобы остановить ее.

Мы с умислом остановились на этих двух линиях эпизода, минуя кадры с ребенком, растоптанном бегущей толпой, с убитой матерью, с залитым кровью лицом учительницы в пенсне. В цепи кадров «солдаты спускаются к морю» и «коляска» нет крови, нет искаженных страданиями или жестокостью лиц. Больше того, мы даже не видим лиц солдат (показаны только ноги), не видим ребенка в коляске (он появляется только на миг, в самом последнем кадре). Но столкновение ритмов так сильно, так мощественно впечатляет потому, что по-своему, метафорическими ассоциациями и сближениями оно выражает (и идейно-художественно обогатил) основную тему фильма — грандиозное противопоставление двух исторических сил: революции и реакции, контраст двух миров: одного — тяжелого и жестокого, другого — чистого и человеческого.

Мертвенная, бездушная повторяемость

Мертвенная, бездушная повторяемость

Мертвенная, бездушная повторяемость

Мертвенная, бездушная повторяемость

Мертвенная, бездушная повторяемость

Чемпионы дружеских игр

КОГДА австрийского теннисиста Хубера спросили, будет ли он продолжать играть, ответил: «Я выиграл чемпионат Австрии, тот чемпионат, который вы спрашиваете об этом? Обращайте внимание на меня!»

Противный дождь, разразившийся позавчера над Лужниками, заставил финалистов покинуть корт, а зрителей — трибуны. Ливень, правда, скоро прекратился, но площадка была мокрой, и многие были весьма удивлены, когда увидели на ней людей... Однако в легких была вода, а беглецы. Его подожгли, и огонь быстро высушил корт.

Финальный поединок Хубера с Яворским доставил истинное удовольствие любителям тенниса. Такой виртуозной игры мы давно не видели, и в этом смысле очень представительный турнир молодежных игр, в котором участвовали многие выдающиеся мастера ракетки, был для наших теннисистов хорошей школой. Хубер победил Яворского в пяти партиях, причем последнюю, решающую партию он выиграл очень легко. Вместе с обладателем золотых медалей и в мужских парных играх.

Сменились чемпионы и у женщин. Венгерка Кермечи в трех партиях выиграла у победительницы верхиских игр чехословацкой спортсменки Пужековой. Она же вместе с австралийкой Хеллер победила в женском парном финале Пужекову и Дворжачкову (Чехословакия). Зато в смешанных парах чемпионами стали Пужекова и Яворский.

Финальные игры теннисистов собрали в минувшее воскресенье не одну тысячу зрителей. Впрочем, зрителей в этот день в Лужниках было вообще очень много. Как говорится, аблоку негде было упасть, и на Детском стадионе место осталось только для эллипсообразного мяча регбистов. Блестящий класс показали позавчера французы в матче с чехами. Для зрителей это было полнейшим открытием: оказывается, в регби можно играть, не употребляя силовых приемов и действуя не только руками и ногами, но и головой. Конечно, за такую игру великодушные французские спортсмены можно сказать только спасибо, а умается, в значительной степени благодаря им регби в Москве найдет много приверженцев.

А сколько волнений доставил любителям спорта заключительный день соревнований по легкой атлетике на Большой арене! Прежде всего он принес много сюрпризов. Первой с новым рекордом дружеских игр закончила бег представительница Германской Демократической Республики Урсула Донат. Столь же неожиданно завершился и финал бега на 1500 метров у мужчин. Мировой рекордсмен Станислав Юнгвирт на финишной прямой проиграл литовцу Юнасу Пилипе и белорусу Евгению Соколову.

Бурей аплодисментов было встречено появление на стадионе рабочего-печатника из Белграда Франьо Михалича. Он первым закончил марафонскую дистанцию — 42 километра 195 метров. Югославские легкоатлеты были представлены на играх сравнительно небольшой группой, но выступили они очень успешно и на родину увезут с собой не одну медаль.

Очень интересным было позавчерашнее воскресенье в Лужниках. Не менее интересным будет и сегодняшний вторник: с десяти утра во Дворце спорта вступают в борьбу за первенство гимнасты.

Очень интересным было позавчерашнее воскресенье в Лужниках. Не менее интересным будет и сегодняшний вторник: с десяти утра во Дворце спорта вступают в борьбу за первенство гимнасты.

ПОИСК И НАХОДКИ СТРОИТЕЛЕЙ

редового, широкого распространения новаторского опыта строителей. Предлагаемые вниманию читателей два заметки «Шумит камыш над Иртышом» и «Домы, которые надо строить» рассказывают о поисках и находках строителей, стремившихся использовать для сооружения жилых домов местные, дешёвые и надёжные материалы. Новаторы находят смелые, экономичные и технически лёгкие решения, помогающие быстрее покончить с недостатком жилищ в нашей стране. Но даже в том, что иногда — в заметках рассказывается именно о таких случаях — инициативу, опыт новаторов не поддерживают и не распространяют.

Шумит камыш над Иртышом...

СТЕПНОЙ большак, прямой, широкий, укатанный до асфальтового блеска. Едешь час, два, три — и нет края целине Прииртышья. Но как ни пустына степь, она уже не та, что два-три года назад. Тогда между Павлодаром и Ямышевским — старинным казахским форпостом на Иртыше — на десятках километров не было ни одного поселения. Сейчас в степи городок. Издалека его белесые шиферные крыши напоминают палатки. Это — целинный Ямышевский совхоз.

— Были здесь и палатки, и вагончики, — рассказывает прораб Ямышевского стройучастка Алексей Васильевич Асенко. — Только в январе пятидесятитого собрали первые два юмтика. А сейчас во всех новых совхозах Павлодарщины нет такого городка, как у нас... — добавляет он с гордостью. — Научились строить! А знаете, кто научил? Морозы да ветер. Они здесь злые. Перегнали одну зиму — и перестали жадить народом да шиферными домами. Свои, местные материалы искать стали. А они — пол боком... Иртыш-то рядом, а камыша там вдоволь.

Река от совхоза в полукилометре. По пойме и многочисленным оврагам — чашобой камыша, рослого, а в осеню до знонкости прочного. Сколько его ни скашивай, встает зелёной стеной.

В совхозе ставится сейчас восемь четырёхквартирных домов из камыша.

Первый раз, когда увидел такое дело, не поверил, — вспоминает бригадир плотников Александр Владимирович Вольф. Одет он в гимнастерку, такие же брюки и похож на сапера-строителя. — Раньше строили в Омске большие, «настоящие» дома, а тут — камыш! Пустая затея, думал, ничего из него не получится. А сейчас скажу: лучших домов и не нужно нам в совхозе.

Каркас дома собирается из брусков, обшивается рейкой, с большими зазорами, вторая обшивка и драпировка. Остаётся только облицевать стены глино-песчаным раствором, вставить рамы и двери.

От вязки камышовых мат мы отказались, — продолжает рассказ Вольф.

Дома, которые надо строить

НА ЗЕЛеной улочке Ныме, пригорода Таллина, выстроился в ряд несколько домиков. Внешне они ничем не отличаются от сотен других домов — такие же двухэтажные крыши красной черепицы, такие же большие окна, совершенно незамысловатые в этом краю частых дождей и пасмурной погоды. И все же есть в них нечто необычное: они сделаны из... песка. Да, да, — из самого обыкновенного песка, собранного небольшой толпой обыкновенной извести.

В 1948 году инженер Иоханс Хитт, главный инженер таллинского завода «Лавар», изобрёл новый — деизитраторный — способ обработки песка. Суть его в том, что в деизитраторе песок не раскалывается, а обкалывается, с него счищается верхняя корка, а в ядро остаётся в первозданной целостности. Вместе с песком в деизитраторе было обработано небольшое количество известня-пушонки. Прочность изделий, изготовленных из этой смеси, стала поразительной.

Итак, был найден новый строительный материал, который можно изготовлять почти из любого песка с небольшим количеством извести (10—15 процентов). Материал этот был назван силикалитом. Он обладает колоссальной прочностью, прост и дешёв в производстве, изготовляется при помощи несложных технических средств. Из силикалита можно изготовлять любые строительные элементы: стеновые блоки, плиты межэтажных перекрытий, канализационные трубы, черепицу, облицовочные плиты, плитки для пола и т. д. К началу этого года на Таллинском опытно-заводе (ТОЗе) было изготовлено семнадцать тысяч кубометров различных изделий из силикалита, и все они отличались высоким качеством.

Семнадцать тысяч кубометров — это, конечно, внушительная цифра, если вспомнить, что на постройку одноквартирного дома из четырёх комнат с кухней, ванной, передней, верандой и подвалом идет всего семнадцать кубометров силикалитных деталей. Однако количество домов, построенных из силикалита, не должно еще до сотни, силикалит ничто еще официально не признал, а сам творец его не имеет до сих пор авторского свидетельства.

В течение восьми лет пытался доказать И. Хитт преимущества силикалита — его прочность, экономичность, возможность изготовления его в любом районе страны и в любом количестве. В силикалит в его чудесные качества уверовали сотни тысяч строителей и хозяйственников. И только один, кому по своему положению принадлежало в первую очередь заинтересоваться новым строительным материалом, не только не признал его, но и всячески старался его опровергнуть. Когда дома, построенные из силикалита, — их сейчас свыше семидесяти, — покорила наконец сердце местных скептиков, а дело вмешались другие скептики.

Но, пока силикалит не признавали, слух о нем пролез по всему Союзу и даже за его пределы. Таллинский опытно-завод стал своеобразной Меккой строителей. За сравнительно короткий срок здесь побывало пятьсот аккурсий, в том числе несколько аккурсий из стран народной демократии. Завиская кучка отъявленных позерствующих интеллигентов и пожелавших в Таллин приехать строителей, копируют чертежи деизитратора, изучают технологию и, в меру

ГОРЯЧО и единодушно одобряет весь советский народ. Постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР о развитии жилищного строительства в Советском Союзе.

Непрерывное успешное развитие этой гигантской программы жилищного строительства — развивающиеся инициативы, поддержка всего нового, передового опыта строителей.

Взвать их долго, да и не к чему. Набиваем карпас рассыпным камышом, плотно, стебель в стебло, толщиной в пятнадцать сантиметров. Маты плут только на потолочные перекрытия. Эти восемь четырёхквартирных домов были залпанырованы, как шиферные. Но мы поумали, подсчитали и решили строить их из камыша. Шиферный обходится в 250 тысяч, а камышитовый — на сорок тысяч дешевле. Вот вам и «шумел камыш...» Тепло, сухо, прочно. Многие из нас собственные дома из камыша строят...

Она из тринадцати совхозных улиц, окаймленная зелеными саженьми, принадлежит индивидуальным застройщикам. Дома здесь возведены не силами строительного участка, а комбайнерами, трактористами, шоферами, рабочими и служащими совхоза. Ими построены и строятся сто тридцать домов! И почти все — каррасно-камышитовые. Ее, эту улицу, так и зовут — «Самостройная».

Новосел Степан Яковлевич Игнатченко рассказывает: — Решили строить. Ответил мне участок земли рядом с домом дочери. Получил в совхозе ссуду — восемь тысяч рублей... Камыш заготовили за два выхальных дня на Иртыше. Косили втроем: я, жена, сыншника — восьмьюдесятью оноп. Прислу с работы, поужинаем — и за топот. Вся улица у нас так строилась. Посмотришь, послушаешь — перестук стоит.

К сожалению, далеко не все сорок семь волею совхозов Павлодарской области строят так, как ямышевы. А ведь в каждом из них могут изготовить и глину, и камыш, и другие строительные материалы. В таких совхозах, как, скажем, Бевеовский, не хватает главного «материала», без которого неммыслимо никакое строительство, — разумной организации труда, хозяйственной, государственной озабоченности. Строителям целинных поселков нужен опыт ямышевцев. А пока, в ожидании хозяйской руки, шумит над Иртышом камыш, шумит ветрупутий...

Г. КОЧЕТКОВ
Ямышевский совхоз,
Павлодарская область

Видение мира и партийность художника

Видение мира и партийность художника

К. ЛЮБЧЕНКО

ВИДЕНИЕ МИРА И ПАРТИЙНОСТЬ ХУДОЖНИКА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Видение мира и партийность художника

Видение мира и партийность художника

Видение мира и партийность художника

Видение мира и партийность художника

Видение мира и партийность художника

Сидхи Чаран СРЕСТ

СРЕДИ участников фестиваля, приехавших из королевства Непал, есть Суслия Консакар, певица и танцовщица, награжденная медалью короля Непала и получившая еще одну медаль из рук Чжоу Энь-ляя во время его пребывания в Непале за танцы и пение.

Этой танцовщице, аккомпанирующей себе серебряным голоском, звучавшим, как пение птицы, всего одиннадцать лет. Она одна, без папы и мамы, ринулась в далекие путешествия, сама мыслит о дальности которого останавливает подчас нероных взрослых людей. Больше всего ее потрясло, что только билет на самолет от Катманду — столицы Непала — до Термеца, последней передатки перед границей СССР, стоит пятьсот восемьдесят рублей. На такое множество рублей можно купить риза для всех беллоков ее улицы.

Ее отправляла летская ассоциация Наса-Нала. В Наса-Нале Суслия училась танцевать. Петь ее учит солист Непальского радио Нали Кайи, член делегации.

Суслия научилась отвечать без переводчика на вопросы, обращенные к ней. Так как почти все спрашивают ее, как она учится, то Суслия торжественно потрясает маленькой ручкой с неснимающимися металлическими кольцами на запястье и рассказывает все пять пальцев: учится только на пятёрки! Потрясенные малыши, окружающие Суслию плотным кольцом, где бы она ни появилась, долго молчат, а их папы и мамы тут же начинают назидательный разговор. Суслия исподтишка улыбается, она понимает, о чем идет речь.

— Много ли друзей у Суслия?

— Много друзей у Суслия!

— Много друзей у Суслия!

— Много друзей у Суслия!

— Много друзей у Суслия!

— Много друзей у Суслия!

— Много друзей у Суслия!

— Много друзей у Суслия!

— Много друзей у Суслия!

— Много друзей у Суслия!

— Много друзей у Суслия!

— Много друзей у Суслия!

— Много друзей у Суслия!

— Много друзей у Суслия!

— Много друзей у Суслия!

— Много друзей у Суслия!

— Много друзей у Суслия!

— Много друзей у Суслия!

— Много друзей у Суслия!

Гости из Непала

— О, сотни! И около тридцати — близких! «Интимейд!» — говорит она по-английски, чтобы было понятно.

Суслия — известная певица. Ее очень любят в Катманду. Весь город — ее друзья. А тридцать близких друзей — это школьники, соседи по дому, сотоварищи по ассоциации Наса-Нала. Счет правильный!

Я очень долго был вместе с Суслией. И было любопытно и радостно наблюдать, как открываются сердца людей при взгляде на ребенка. Художник изобразил некоторых ее друзей в Москве. Вот будущий юрист непалец Ишвари. Это представитель непальской интеллигенции. А вот народный поэт Непала Сидхи Срест. Он был осужден в 1941 году на восемнадцать лет тюрьмы за свои песни возмущения и гнева. Пять лет он пробыл в тюрьме в ручных и ножных кандалах, пока прежнее тираническое правительство не было сменено новым, либеральным. Только тогда поэт был освобожден.

Сидхи Срест после освобождения попросил одного из своих друзей, отправившегося в путешествие по Непалу, послушать, поет ли народ его песни. Друг привез ему список десятков песен, которые народ запомнил и сделал своим достоянием. И это была лучшая награда поэту за все его страдания.

Сидхи Срест спел мне одну песню о Непале. Гнев и восторг, страсть и радость звучат в ней. И, оказывается, иногда не обязательно знать язык, чтобы понять поэта!

Счастливых дней в Москве и счастливых дней тебе, маленькая Суслия! Мир и дружба, дорогие гости из Непала!

ИШВАРИ

НИКОЛАЙ АСАНОВ

НИКОЛАЙ АСАНОВ

НИКОЛАЙ АСАНОВ

НИКОЛАЙ АСАНОВ

НИКОЛАЙ АСАНОВ

НИКОЛАЙ АСАНОВ

НИКОЛАЙ АСАНОВ

НИКОЛАЙ АСАНОВ

НИКОЛАЙ АСАНОВ

НИКОЛАЙ АСАНОВ

НИКОЛАЙ АСАНОВ

НИКОЛАЙ АСАНОВ

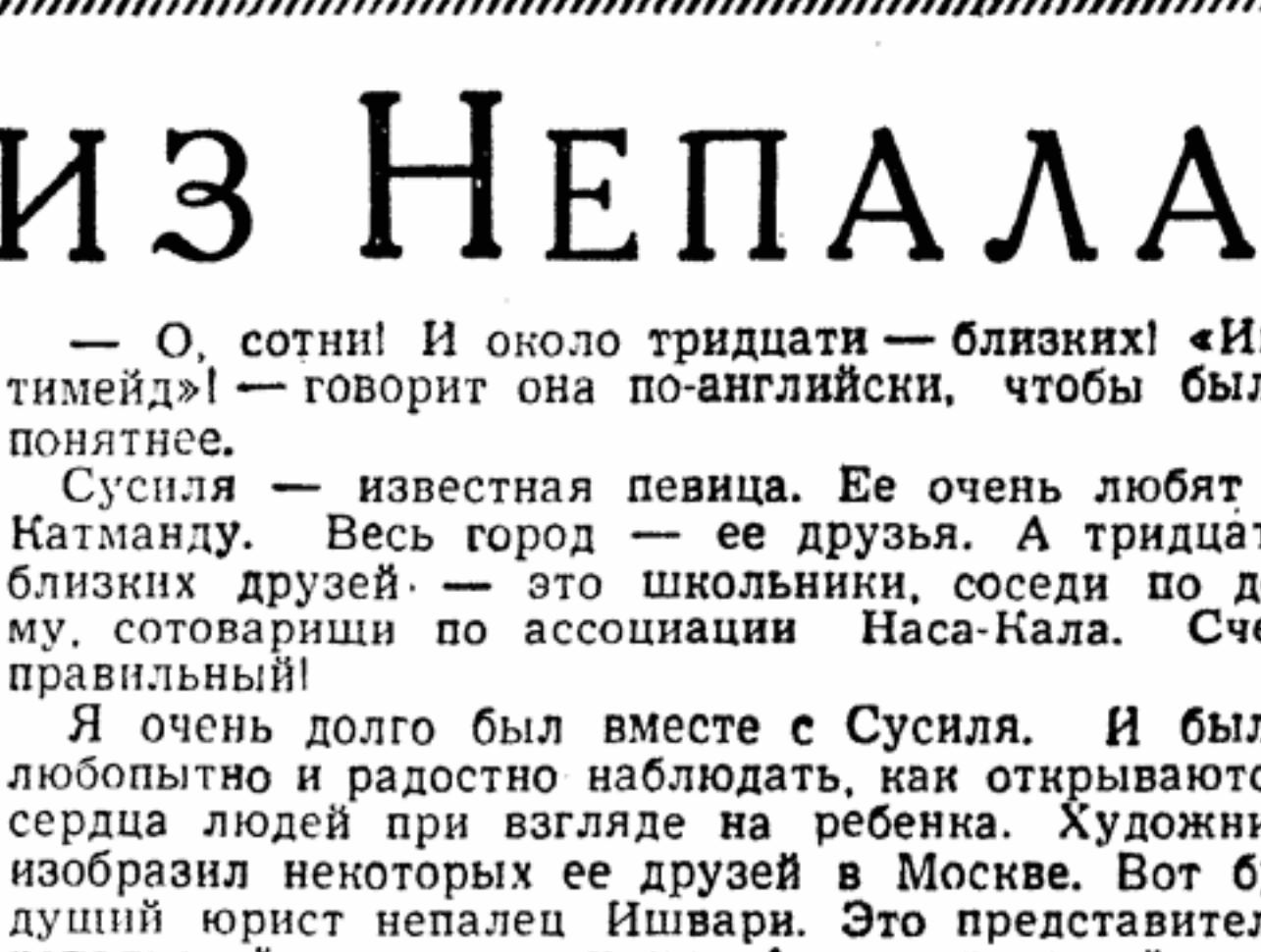
НИКОЛАЙ АСАНОВ

НИКОЛАЙ АСАНОВ

НИКОЛАЙ АСАНОВ

НИКОЛАЙ АСАНОВ

НИКОЛАЙ АСАНОВ

ИШВАРИ

НИКОЛАЙ АСАНОВ

ЛЮДИ ФЕСТИВАЛЯ

Суслия КОНСАКАР

Рисунки худ. А. Демущкина

ЖУРНАЛЫ В АВГУСТЕ

«ОКТАБРЬ» Августовский номер журнала «Октябрь» открывает откликами писателя М. Ибрагимова, А. Первенцева, С. Муканова на решения июньского Пленума ЦК КПСС.

Заканчивается публикация повести Ганса Либекера «Под одной крышей». Читатель познакомится с рассказами Л. Соловьева «Одна любовь» и Б. Можая «Власть тайги».

В поэтическом разделе журнала — стихи А. Коренева, А. Мехирова, М. Мамаева, А. Мамаева в корейского поэта Хан Юн Хо.

О незабываемых событиях социалистической революции рассказывает в воспоминаниях А. Пронина «Бурные годы», которые печатаются в литературной записке А. Калмын. В отделе публицистики печатаются также статьи А. Ронина «Важное звено» и очерк А. Трипиды «Мужество».

В разделе «Наука» и «Искусство» опубликованы статьи профессора В. Алянова «Проблемы долготы» и очерк Ф. Запорожского «В театре Кабуки». В разделе «Литературная критика» — статьи Н. Аблякина «Содержание темы», А. Кондратовича «Судьба человека» и В. Мелчина «Два мира Шуры Соколова».

Журнал открывает передовой статьей «Нюже побеждает», посвященной итогам июньского Пленума ЦК КПСС и задачам советской литературы.

В августовской книжке печатается начало второй книги романа В. Кожемякина «Заре навстречу», в которой описывается становление Советской власти в Сибири конца 1917 в начале 1918 года. Среди прозаических произведений — рассказы Н. Грибачева «Старый сад» и Ю. Козакова «Никитинские тайны».

Поэзия в этом номере представлена стихами Е. Долматовского в казахском поэте Жуматай Сана.

Под рубрикой «Воспоминания о великих днях» печатаются воспоминания М. Д. Горчаева «Партия яровой».

Раздел «Культура и политика» представляет очерк Н. Антонова «В колхозах Черниговской области», статьи Л. Кремникова «Карьера адвоката», Д. Москвина «Уроки истории», П. Скородорова «Закон в преступлении». Традиционный отдел «Знамя» «Новое в журнале» посвящен в этот раз обзору сельскохозяйственных журналов.

В «Трибуна писателя» — статьи В. Иинер «Вдохновение и мастерство» и А. Кожемякина «Перед первой книгой» (о стихах молодых поэтов-студентов Литературного института имени А. М. Горького). С большой публицистической статьей «Писатель и современность» выступает В. Берне.

И. БЕЛОВ

тем мы находимся под властью непреодолимого убеждения, что перед нами живые персонажи романа, с живым обликом и физиономиями. Нам владеет иллюзия, что мы немало можем порассказать об этих людях, об их нравственной стойкости и умудренности, об их сердечной теплоте и товарищеской самоотверженности, об их юморе и несокрушимом оптимизме перед лицом кажущейся угрозы быть замученными или казненными.

НА ЧЕМ же основано это «чудо»? Немаловажную роль играет умение Фадеева много дать и много стричь, одной деталью. Вот в конце письма такая фраза: «Работаете вы, все в общем, хорошо. Мы здесь на отдыхе заведем вам и горячий чай». Как много говорит эта фраза и как сильно действует и поднимает дух революнцев то, что следившие в тюрьме руководители «не сериались на глупости в ошибки, а учили и ободрали в даже голландские теги, что работает на воле».

В незашифрованном письме, по необходимости написанном эвоническим языком, неуловимый юмор сквозит в каждой строчке. Неинная фраза, например: «большая гроза идет с запада, она даже солдаты бегут», легко расшифровывается, как известие о том, что наступление советских войск идет успешно и Колчак отступает.

Но дело не только в этом. Разгадка «чуда» — в атмосфере всего романа, в художественном раскрытии о з в и и большевистской работы, большевистского коллектива, большевистской борьбы. Эта поэзия составляет душу романа. Это главная внутренняя тема фадеевского творчества, его лиризм и средоточие. Только потому и оказалось возможным то «чудо», о котором мы говорили выше.

Благи бы не было в «Последней из рода» таких, полных обаяния жизненных фигур, как Сурков, Аляша, Сена Кудрявый, если бы перед читателем не пропал эти люди, для которых зов партии, слова партии, воля партии дороже всего в жизни, — этого «чуда» не было бы.

хитектурного памятника до созданного им эпизода лишний раз доказывает, что партийность — сознательная и движущая сила самого творческого процесса. Партийность — это сосредоточенность, целенаправленность и целеустремленность творческого воображения художника.

ХОЧЕТСЯ напомнить читателю одну сцену из четвертой части «Последней из рода». Коммунисты, руководители повстанческого ревкома — Петр Сурков, Аляша Маленький, Мартемьянов, — читают письмо, написанное связными в козачковской тюрьме членами областного комитета партии.

Письмо — деловое. В нем разъясняются задачи, стоящие перед партизанским движением против белогвардейцев и интервентов, уточняется тактика, даются указания в формулируются директивы. Задачи, указания, директивы... Но члены ревкома, люди, закаленные в суровой борьбе, чуждые сантиментам и совсем не склонные расчувствоваться, слушают это письмо с глубоким и чистым волнением, которое они стесняются показать друг другу.

После прочтения письма Аляша Маленький смущенно и растерянно покрутил головой своей головкой и сказал: «А у-а-а, еще раз прочтем...». Они читают еще раз и еще раз, в каждый раз оно открывается им все новыми сторонами. Уже близится рассвет. Боевые друзья укладываются, чтобы соснуть о письме, но долго еще говорят в темноте о письме и работе. И даже, когда разговоры выключат, «каждый еще долго не спал и думал о своем личном, которое вдруг тоже стало таким ясным в чистым переизбытке моральных взоров».

Письмо законченных в кандалы коммунистов, из тюремной камеры продолжаю-

ОТКРЫВ ЛИЦО

С НИМ чинчат, откря лицо, для всех прекрасной будь, — восхитилась узбекская поэтесса Хамад Хаким-Зале Ниязи, обращаясь к женщинам Востока. «Оковы на куски разбей, им не подвластной будь! Из темной жизни выходи, зарю ясной будь!»

Я вспоминал эти строки, читая роман Аскада Мухтара «Сестры». В то время, когда создавались стихи Хамады, вокруг вопроса о парадже разыгрывались подлинные трагедии — отражение борьбы за новые формы жизни и быта. Тема «открытого лица» прошла через всю литературу Советского Востока двадцатых — начала тридцатых годов. Роман Аскада Мухтара продолжает традицию литературы тех лет.

Действие его происходит в первые послевоенные годы, но он отнюдь не воспринимается как исторический. Писатель рассказывает о строительстве ткацкой фабрики в условиях старого города, старого не только потому, что она давно существует, а потому еще, что привычки и нормы старой жизни и быта здесь еще очень сильны. Новая фабрика — огромное событие. Вокруг этого строительства бьются страсти, схватываются старое с новым, проявляются взаимоотношения людей, меняются судьбы. С искренним и глубоким интересом следим мы за всем этим вместе с писателем. Тема романа А. Мухтара — рождение нового, советского человека. Роман его — это роман о нарождающемся узбекском рабочем классе, об освобождении женщин, о победной, но трудной борьбе за социализм.

Аскад Мухтар волею нас в тот угол жизни, о котором мы знаем, е сожалею, все еще мало. Он ведет нас по тихим, узким улицам, вдоль глинобитных заборов и саманных крыш. Тяжелым вольским зноем веет со страниц его повествования. Всего несколько шагов рядом с автором, и мы начинаем ощущать атмосферу глухого квартала! А вот перед нами и обитатели его — Анахон, Назокат, тетушка Рязон и другие ткачихи, работающие на ткацком Кудратулу, или, как называют таких здесь, «нефюна». Для мужчин-ткачей, вчерашних полунинных ремесленников, в первые же годы после революции изменилось многое. Женщины тогда жили еще в своем страшном маленьком мире. Он не менялся в течение столетий.

Быт женщины-убежица казался неизменным. Но внимательный взгляд сразу улавливает и здесь неожиданное, потому что устоявшиеся стали уже совсем другие.

Главную героиню романа мы впервые встречаем в ткацкой Кудратуле. Она работает на бая, на нефюна. Но почему же верный слуга Кудратулы, Костялый Мухам, побавается Анахон и вообще ведет себя далеко не так, как раньше, и не очень-то выдает голос? Известно, что Анахон ходит в только что организованный женский клуб, что она мечтает о женской артистии. Еще известно, что она по-настоящему любит свою работу...

Постепенно, исповоль, перед нами раскрывается образ этой женщины: мы видим, как она преодолевает страх и привычку молчать, мы видим, как крепнут ее активность, воля, отвага.

Шаг за шагом, аргументируя каждое движение, каждый этап духовного развития Анахон, прослеживает автор ее жизнь. Ему не нужно создавать хитросплетения искусственно острого сюжета, — его услуги удивительные биографии женщин советского Востока двадцатых годов.

Образ Джурахов, первой женщины города, которая сняла паранджу, стоит перед глазами ткачих, образ женщины-коммунистки, женщины, видевшей Ленина, безавестно сражающейся против старых обычаев. Достойный пример! Аскад Мухтар показывает преемственность революционных традиций. Гибнет от руки врага дочь партии, храбрая Джурахов, но раскрываются глаза у десятков и сотен тружениц. Перед ее гробом сжигают свои паранджи, клянутся не уступать. И вот перед нами — уже взрослая, новая Анахон, председатель артистии, руководитель

Аскад Мухтар, «Сестры», Роман, «Дружба народов», № 1, 2, 3, 1957.

КАЖДАЯ форма искусства имеет свой излюбленный круг героев. Так было и в античном искусстве, и в готическом, и в искусстве Возрождения, и в голландском искусстве и т. п. В центре эстетической системы литературы XIX века стоял индивид, протестующий человек, который отражался от окружающей обстановки, противопоставлял себя злу времени и господствующему порядку вещей.

В центре эстетической системы искусства социалистического реализма стоит человек, активно борющийся за революционное освобождение человечества от капиталистического рабства. История выкалывала совершеннейшее оружие этой борьбы — Коммунистическую партию. Под знаменем Коммунистической партии, движимые ее идеями, следуя ее лозунгам, растут и формируются люди, наделенные самыми высокими и благородными человеческими достоинствами — героической самоотверженностью, преданностью идеалам, верностью народу.

Почему столь красочны, столь богат содержанием и столь поэтичны приведенные нами крошечный эпизод из «Последнего из удег»? Потому, что Фадеев изложил эту поэзию из самой жизни, из самой деятельности большевистской партии, обновляющей мир. Фадеев выразил здесь цельность своего героя истории — большевика. Не только разум, проникнутый определенным кругом идей, но и чувства, которые, казалось бы, относятся к чисто личной, интимной сфере — любовь и нежность, — все обращено к тем же идеям и тем же целям.

Подобно Фадееву, Эйзенштейн был как некая более далекая от простого повествования. Ему был чужд прямой пересказ. У него сквозил последовательность событий звучит важный и торжественный дух поэзии. «Броненосец «Потемкин» — поэма в самом полном и точном смысле этого слова. Переключающиеся метафоры, ритмический строй превращают монтаж-

женотдела, член партии, вожак женщин, стремящихся к новой жизни.

В чести автора надо сказать, что ему удалось не только образ героини, стоящей в центре повествования, но и образы других персонажей. Интересно замечание Ефим Давидович — русский коммунист, осуществляющий партийное руководство строительством. Удачен образ Эргаша, этакое узбекское Нагульнова, человека, бесконечно преданного партии, но горючего, невзысканного. Хороша сцена его первого появления. Демобилизованный из Красной Армии, Эргаш попадает на базар. Перед ним десятки частных лавочек, кофеен, ресторанов. Эргашу начинает казаться, что за те четыре года, что он сражался с басмачами, ничего не изменилось. Эргаш осматривается.

«Кто вы?» — спросил Эргаш, глядя лавочнику в переосицу.

— А? Кто?

— Я спрашиваю: кто вы такой? Чья это лавка? Чье это вино? Чьи деньги у вас в кармане?

Пала заржала в руках лавочника. — М-м-м, добрый молодец... Пейте бесплатно, прому вас...

Эргаш молча пошел прочь. «Знает, кто здесь настоящий хозяин», — думал он про лавочника. — Но почему у них такое привольное житье? Эргаш чувствовала себя, точно во сне, будто время обратилось вспять и остановилось».

Аскад Мухтар хорошо, убедительно показывает, как постепенно Эргаш начинает понимать, что воспитание человека нового общества — дело куда более сложное, чем ему вначале казалось, как постепенно вырастает он в настоящего руководителя стройки.

Органично входят в повествование и другие действующие лица романа — избалованный байский сынок Нусратулла, трудящиеся женщины-ткачихи во всем их человеческом разнообразии (мы постепенно начинаем ощущать их не просто как женщин-тружениц, но как представительниц молодого рабочего класса Узбекистана). Улыбается А. Мухтар милые, непостоянные сестрички — дочка Анахон. Художественно убедителен образ учителя Нами, буржуазного националиста, доказывающего о прямом пособничестве врагам. Лютый, трусливый, гадкий, провокатор по натуре, слуга по характеру, этот человек стремится доказать свое неприятие к преступлению врага, он проходит по повествованию с присловьем самгиского типа: «Видел верблюду? Нет» (мол, не пойман — и не вор, да и вообще разве что-нибудь случилось?)

К сожалению, автору где-то посреди повествования показало, что необходимо усилить внешнюю сторону — и параллельно психологическому роману начался дететив. История литературы знает, когда в самые глубокие, самые реалистические произведения входила приключенческая линия: в самом факте этом нет ничего неверного. Важно, как все это сделано. А эта линия у А. Мухтара выписана слабо. Что стоит бегство Нусратулла в басмакам, когда его по тяжелым горным дорогам велет... следец. Ирмитивно написан Черный Кулат — игрок и пособник диверсантов. Банаден иностранный шпион Чагирговец — бролячий персонаж, который побывал уже в добром десятке романов о Средней Азии.

Эти недостатки тем обиднее, что по сути дела, перед нами — одно из первых произведений литературы Советского Востока, посвященных рабочему классу, тогда великой героической стройки. И в чести писателя надо сказать, что как раз сцены строительства написаны очень красочно. Патетика содействия, атмосфера творческой работы, гордая радость человека, видящего, как его труд выливается в труд республики, — отличительные черты романа «Сестры».

Роман Аскада Мухтара — значительное явление в литературе Советского Узбекистана. Хороший в целом перевод А. Пантелеева (если не считать некоторого злоупотребления узбекскими словами в начале и выражений вроде «добрый молодец») сделал его достоянием всей нашей многонациональной литературы.

Д.М. МОЛДАВСКИЙ

ные фразы в своего рода стихотворные строфы. Но в свете этого творчества еще разительнее предстает громадное различие художественных индивидуальностей. Эйзенштейн в высокой степени эмоционален, но не психологичен. В Фадееве же нас привлекают психологическая зоркость, насыщенность и глубина. Фадеев, проникнув во внутренний мир своих героев-большевиков, прочел их душевные движения, извел из повседневной партийной деятельности ее высокую поэзию и претворил ее в архаичные художественные образы.

Создавая произведения, движимые партийной деятельностью ее высокую поэзию и претворил ее в архаичные художественные образы.

СДЕЛАТЬ ли нам из этого вывод, что партийность «нисколько не препятствует» (как любят выражаться некоторые критики) раскрытию индивидуальности художника? «Не препятствует»... До чего укорочена и обрублена эта формулировка! Большевистская партийность — и ради этого мы привели пример из «Броненосца «Потемкин» и «Последнего из удег» — в величайшей мере обогащает индивидуальность художника, умножая ее творческие соприкосновения, помогая раскрыть специфические особенности индивидуального дарования.

Валентин Катаев — прозаик, тоже склонный к введению поэтических элементов в свою прозу, в знаменитой сцене увода в тюрьму Дружинина, Святослава и Валентина («За власть Советов») изображал, как веточка белой акации, брошенная с балкона, упала на Валентину. «Так она и шла, с маленькой веточкой белой акации в губах, почти черных, как маленькая запекшаяся рыба...»

Внешняя деталь с удивительной силой поточкнула внутреннюю, духовную красоту подвига большевик-подпольщиков.

РАСКАЗЫ Вадима ИНФАНТЬЕВА

НА страницах журнала «Советский Восток» один за другим стали появляться небольшие рассказы, которые сразу же привлекли внимание читателей. «Смирновская вода», «Физика...». В первом сдержанно, с удивительной точностью рассказано об одном из эпизодов гражданской войны; во втором — все так же сдержанно, просто и точно, но только уже с добрым, лукавым улыбающимся пометом о молодом моряке из тех, мирных дней.

Вадим Инфантьев обладает счастливым даром, позволяющим ему на небольшой площадке короткого рассказа сообщить читателю нечто очень важное и большое; порою на этой площадке размещается множество людей с разными, неповторимыми характерами.

Инженер-капитан 2 ранга В. Инфантьев отлично знает материал, из которого создает свои произведения. Вот почему многие из того, что выходит из-под пера молодого литератора, подкупает своей достоверностью. И еще одно весьма важное обстоятельство: В. Инфантьев любит своих героев — летчиков, моряков, техников и мотористов. Любит, но не умиляется ими. Он говорит о них мужественным, суровым тоном, но читатель не может не чувствовать, как щедро обогреты эти простые, обычно малоизвестные герои горячим сердцем писателя. Вероятно, читатель почувствует это и в предстоящем его вниманию рассказе «Шестеро с острова».

Появление имени Вадима Инфантьева очень радует нас, военных писателей. Нашего полку прибыло!

Михаил АЛЕКСЕЕВ

ЖУРНАЛЫ В АВГУСТЕ

«МОСКВА» Номер открывается передовой статьей «По ленинскому курсу» — об июньском пленуме ЦК КПСС.

Проза представлена рассказами А. Шарова из его серии «Друзья мои коммунисты», рассказом молодого писателя Ю. Козлова «Арктур, гонимый пес». Печатаются окончание повести И. Неврилы «Паренек из Сальских степей».

Раздел «Из летописи Великой революции» представлен воспоминаниями К. Ермеева «Осада Зимнего дворца» и работой П. Подлашка «Жизнь Ивана Русакова», представляющей собой наброски к биографии большевика.

Среди поэтических произведений — стихи М. Светлова, Г. Поженина и цикл переводов Н. Заболотного из Важа Пшавела. Публикуются также стихи В. Луговского и автобиография поэта, написанная им незадолго до смерти.

В журнале — очерк Е. Златовой «Так живут в Чекотелнах» (о сегодняшнем дне молдавской деревни), статья В. Озерова о новаторской сущности социалистического реализма. В номере — большой отдел рецензий, «Дневник «Москвы», «Смесь».

«ДОМ» Августовская книжка «Дом» открывает с откликами писателей на постановление июньского пленума ЦК КПСС. Публикуются очерки и заметки В. Закуртуйко, А. Калинина, В. Фоменко, кабардино-балкарских писателей А. Шогенцукова и М. Киреева.

Трудовой победе хлеборобов Кубани и Дона, выполняющих план уборки и лесозаготовок, журнал посвящает репортаж «Идет хлеб Юга...»

В августовской книжке — начало воспоминаний С. М. Буденного «Пройденный путь».

Проза представлена повестью краснодарского писателя Л. Пасенкова «Анна Пересвет» — о трудовых буднях и жизни рыбаков Черного моря. Публикуются рассказы В. Белыева «Часы», В. Шабалиной «Соль», П. Калинин «В пути» и польского писателя Э. Низурского «Подлиза».

В разделе поэзии — стихи В. Автономова, В. Жака и С. Алексеева. В номере — исторический очерк Шауджана Аюба «Бессмертие адыга», очерк Ю. Калугина «Бразилия без экзотики», очерк А. Мухаревой «Голубая молния инженера Давыденко».

Материальная деталь у Катаева, метафора у Эйзенштейна, психологическое проникновение у Фадеева, — как разные пути, ведущие к одной цели, как обусловлены эти различные пути единой вдохновляющей силой партийности?

Энгельс высоко ценил Байзака за то, что он «в и д е д настоящих людей будущего там, где в это время их только можно было найти...» Это — важнейший элемент художественного «видения». Сила А. Фадеева (как и всего нашего искусства) в том, что он увидел своего героя там, где его только и можно было найти. Метод этого видения проверяется и все наше искусство и каждый художник в отдельности.

СЦЕНА чтения письма заканчивается у А. Фадеева следующими словами: «Нигде король, марь, президент или какой-либо другой руководитель современного буржуазного государства и внятой пана, банкир или закон никогда не имли и не могли иметь такой власти над своими подчиненными, какую небольшая группа людей (членов областного комитета партии... — Е. Д.)... имела на Петра, Алешу и Маремьянова, а через них на десятки и сотни, а через этих на десятки и сотни тысяч восставших людей».

Власть эта была признана Петром, Алешей и тем, кто шел за ними, добровольно и была основана на силе простираемой мысли, очищенной от всяких пошлых соображений... мысли, настолько совместно правдивой, то есть настолько соответствующей ходу самой жизни и стремлениям людей, что она приобретала характер материальной силы».

Удивительно свежо звучат эти строки. Они говорят о жизнестойкости и долговечности произведений искусства, пронизанных духом большевистской партийности. Говорят они и о том, как многогранна, широкообъемлюща и неисчерпаема задача художественного воплощения большевика, нового героя истории, и Коммунистической партии — ее светлой, благородной и обновляющей силы.

Шестеро с острова

КОМАНДИР отдавал приказание, не смея поднять глаз от земли. Подчиненные — шесть техников (все, что осталось от технического персонала авиационной части на этом острове) — стояли нервною шеренгой, глядя на носки своих сапог.

Лица техников были темны от загара и бессонницы. Одежда, пропитанная маслом, тускло лоснилась. Жилетские руки с потрескавшейся кожей не то высились безжизненно, не то обозначали команду «смирно».

Десять истребителей, таких же заталанных и запотевших, как и те, кто выжидал их, были готовы к взлету. Летчики сидели в кабинах и смотрели на остающихся.

Командир медленно произнес слово за словом: — Ничего не подлаешь. Приказ есть приказ. Другого выхода нет... — Он запнулся, помолчал. — Немцы заняли побережье. Удерживать остров нет смысла. Войска наши на материке. Приказано целенаправленно прощесать пригородную дорогу и сесть на аэродром 23-й авиационной. Машини одностепенные. Сами понимаете...

— Летите, товарищ командир, темнее, — сказал старший техник Сивков, глядя в сторону. — а мы... Мы как-нибудь доберемся через пролив...

Сивков нахмурился, заморгал выветшенными ресницами и, окинув взглядом самолеты, добавил:

— Машини в порядке. Надо только добраться. — Командир помолчал, подбирая слова, потом махнул рукой и побежал к своей машине. Залезая в кабину, крикнул: — Оставшеся горючее, боеприпас, неисправные машини — сжечь!

Вот последний истребитель оторвался от земли и растаял в вечерней синеве. Все продолжалось смотреть вслед, как и положено техникам: не спуская глаз со своей машины, пока она не скроется.

Самолеты уже давно исчезли, замер гул их моторов, а оставшеся на аэродроме все еще глядели в небо.

Хотелось кричать, рвать голосом эту непривычную тишину, страшную, как внезапная глухота. Где-то заверещал кузнечик и смолк. Чистый печальный крик какой-то птицы донесся издали. Она пролетела далеко над кустами, четко выделяясь на бледно-зеленом горизонте.

ТРАВА стала серой. Кусты почернели и сдвинулись. С моря потянуло прохладой. Огромный, неуклюжий Гапчук медленно наклонился, провед рукой по траве и, вытира ладонь о грудь, хрипло сказал:

— Роса. Погода будет. Никто не ответил.

На темноте-синем небе мигнула первая звездочка, до жути далекая и чуждая.

— Ну что? — тихо спросил кто-то и смолк. Черный и длинный, как жердь, Перкалев, словно надломившись, сел на траву:

— Сейчас лягу и засну... Штыком забьют, — жестко заметил Десяткин и сморщил без того морщинистое скуластое лицо.

— Черт с ним, — равнодушно ответил Перкалев, — хоть выплюсь. Все вдруг почувствовали усталость и один за другим опустили на траву на этот, пока еще своей земле. Десяткин опять сказал жестким голосом:

— Ну вот, и нас оставили. Как населенный пункт, не имеющий стратегического значения.

— Хватит тебе скрипеть, — после некоторого молчания ответил Гришуткин. В сумерках глаза Гришуткина блеснули и потухли.

Маленький Иванеев, самый молодой из «технарей», сосредоточенно рассматривал свои ладони, медленно шевелил пальцами, словно не мог решить, зачем они теперь.

Все шестеро часто поворачивали головы в сторону пролива. Не то мерещилось, не то на самом деле иногда откуда-то доносился еле уловимый гул. Не хотелось ни говорить, ни думать.

Перкалев внезапно встал, осмотрел всех с высоты своего роста: — Закурить бы дал кто, что ли. Все засуетились, вспомнив, что только этого, именно этого и не хватало им. Закурили. Огоньки спрятанных в кулаки папирос выхватывали из темноты обрешенные лица.

«...Если перебраться через пролив, то сейчас, — продолжал вслух свои мысли Гапчук, — лодку возьмем у рыбаков. За ночь доберемся...»

— До нечего, — перебил Десяткин. — Пойдем на север, — отмахнулся Гапчук, — и высадимся на незанятый берег.

— Ну да, — усмехнулся Десяткин, — выйдет солнышко, мы пльвем вдоль берега и спрашиваем, занят он или нет. Картина!

— Что ж, по-моему, — возразил Иванеев, выгнул из-за широкой спины Гапчука, — вдоль всего берега сидят немцы и, свесив ноги, смотрят в воду? Фронт равный. Сам черт не разберет, кто где. Можно только высидеться и пробраться к своим...

— А ночью-то, — перебил Десяткин, — дырку в жилетке видно. Это здесь, в кустах, кажется, что темно, а там, — он махнул в сторону пролива, — как на ладони.

Сивков сорвал травинку, пожевал и выплюнул. — Лететь надо, — негромко произнес он.

Десяткин присвистнул. — Конечно, лучше всего вспорхнуть и полететь, как воробей. Сивков, не слушая, задумчиво кивнул головой в сторону замаскированных неисправных самолетов.

— Надо лететь. Так это же самолеты, а лодка. Без приборов, без пушек! Посидрали на запчасти. Сами же доказывали, что воевать на них нельзя!

— Воевать нельзя, — согласился Сивков, — а кое-как подняться и продержаться на прямом полете полчаса можно. Этого бы хватало.

Иванеев внезапно засуетился, собиравшись что-то сказать, но Гапчук ткнул его локтем, и все умолкло. Стал слышен шестер травы.

— Кажись, дело говорит Васка, — произнес Перкалев, — из одиннадцати машин для шести что-нибудь соберем.

— Соберем, а дальше? — съязвил Десяткин. — Ведь никто из нас от земли не поднимался выше одного метра. И то от пинна под зад.

РАСКАЗ

— Да, но управление-то мы знаем, без штурмана и регулировки, — возразил Иванеев, решительно оттолкнув Гапчука. Тот удавленно покосился на него, но промолчал. А Иванеев, вытянув вперед руку, двигал воображаемой рукояткой управления, пытаясь что-то объяснить. Гришуткин определил:

— Летчика черт знает сколько учат, и то первый раз без инструктора не взлетает. А посадка? Посадка — гроб. Опять все смолкает. Кто-то звонко шлепнул на шее комара.

— И на бреху тушно садиться, — спокойно заявил Сивков, — не выпустить шасси, а вот на колеса — это верный гроб. Это не «У-2», а истребитель.

— Ну что ж, — вздохнул Десяткин, — один из нас разобьется при взлете, другие — в пути, а остальные — на посадке. Кто успеет, пусть считает себя Магометом, кто ли...

— И то хорошо, — возбужденно сказал Иванеев, — лучше так, чем тебя подлоухом из воды вытащат или здесь, как куренка, с гогом будут ловить в кустах.

— Развиваться-то не хочется, — вздохнул Гапчук. — Пошли, посмотрим, может, еще ничего и не сделать, — сказал, вставая, Сивков.

КОГДА подняли капоты и стали ковыряться в пахнувших бензином моторах, на душе полгачало. И вовсе не потому, что можно было починить машини, а потому, что опять начался привычный труд. Пусть это самообман. Пусть вся затея дика и нелепа. Но вместе с привычной работой пришло ощущение занятости, явилась цель. Она стаяла к себе мысли, привела в какой-то порядок чувства. Не хотелось бросать работу ни на минуту, — сразу наваялась одиночество и обреченность.

К рассвету починили шесть машин, полностью отрешили остальные.

— И-нда... Если к бревну прибить доску поперек, то скорей поднимемся, чем на этих, — заметил Десяткин, вытира руки ветошью. — Если уцелею, после войны в кирь пойдю фокусником. Страшно смотреть: поудь ветер, развалится на месте.

Сивков, незаметно для себя и для других возглавлявший группу, непрерывно вдвигался:

— Ребята, при взлете не поднимайте машини круто. Поле большое, разбегайтесь до спокойного подъема. В воздухе ни одного резкого движения. Уж если прирет, поворачивайте полегонку. А вообще-то и этого не надо. Как подылись, чуть левее градусов на десять, — почему на десять, он сам не знал, — и так до посадки. И ради бога не садитесь на аэродром — покажите там всех. Лучше на поле или мелкий кустарник, и только на бреху.

Спешно устроили на одной машини тренировку. Педали и рычаги управления, ранее столь знакомые, вдруг приобрели совсем особый смысл. За них брались вздрагивающими влажными руками, робко, как курсанты аэроклуба. Помогали друг другу советами, вспоминая все, что слышали когда-то от летчиков. Поочередно садился в кабину, другие в это время держали самолет за крылья, поднимали за хвост, ворочали, — «летали», не отрываясь от земли.

Откуда-то доносился гул мотора. Быстро завалили машини ветками, подняли головы. Разведчик противника низко пролетел стороной, сделал несколько кругов и улетел.

— Надо взлетать, сейчас начнут высаживаться, — почему-то шепотом сказал Гришуткин, нервно оглядываясь по сторонам.

— Ничего, — прогудел Гапчук, — они знают, что остров пуст, и авиацию сюда не бросят. А пехоте от берега час ходу.

ВОСТОК осторожно порозовел, потом стал разгораться все ярче и ярче. В рассветный час тишина особенно чиста. Какие-то просветляющие расстоянием звуки долетали с пролива. Трава и кусты были от росы белыми, как в инее.

Все шестеро несколько минут молчали, пораженные прелестью утра, чуть вслушиваясь в тишину. Тонко и прерывисто звенело в ушах. Вот где-то в кустах робко писнуло. Один раз, два... И вдруг и поле, и кустарник наполнились разноголосым щебетом. С кустов сыпались капли росы, под каждым листом копошилось живое и горластое.

Настало утро, и птицы приступили к своим обычным делам. Люди в лихорадке нет-нет, да и прожвали взглядом вспорхнувшую пичугу и, подавив вздох, снова брались за работу.

Но вот со стороны пролива донеслись отрывистые хлопки, упругие удары взрывов прокатились над головами. Простукали пулеметы, как прикладами в дверь. Птицы на мгн смолкли, прислушиваясь, а потом с прежней силой возобновили гомон. Техники переглянулись.

— Пора, — сказал Сивков, — началась высадка. По жребью распределены машини. Осталось определить очердность влета. И тут все потупилось. Никому не хотелось начинать, улететь последним было совсем страшно, а разом всем не взлететь. Наконец первым вывалялся лететь Перкалев. Последним — Сивков, как старший.

Выкатили машини на старт. Перкалев оглядел всех лихорадочно блестящими глазами, улыбулся жалостливо и растерянно и, махнув рукой, пошел в кабину.

Мотор запустили с третьего раза.

ПРЕМИИ В ЛИТВЕ

Совет Министров Литовской ССР присудил государственные республиканские премии 1957 года за лучшие произведения литовской литературы и искусства.

В области литературы премии присуждены: Ю. Балтушусу за роман «Проданные лета» — 25 000 рублей; Э. Менелайтиса за «Братскую поэму» — 25 000 рублей; Ю. Грушусу за историческую трагедию «Геркус Мантас» — 15 000 рублей; Ю. Марцинявичусу за поэму «Двадцатая весна» — 15 000 рублей.

В области искусства премии присуждены: В. Клове за оперу «Пилена» — 25 000 рублей; Ю. Индре-Паледицусу за оперу «Аудонис» — 15 000 рублей; В. Юнчускасу за иллюстрацию и поэму «Времена года» К. Домелайтиса — 15 000 рублей; режиссеру Н. Кимантай-те-Удунинку и И. Вилчутису, артистам Я. Беркуштите за постановку спектакля «Утопленница» в Государственном академическом театре Литовской ССР — 15 000 рублей.

ДОБРОГО ПУТИ!

Он долго чихал, оглушительно стреляя синими хлопьями дыма. Гришуткин болезненно морщился, оглядываясь кругом, словно на звук сейчас же из кустов выскочат немцы.

Самолет, подпрыгивая, победил по ройстой траве, оставляя за собой темные-зеленые полосы. Рев мотора стал глуше. Вот оторвался от земли. Самолет круто пошел вверх, яростно вывзл и, захлебнувшись, упал на край поля. Валетел пенный клубок огня. Черная бензиновая копоть шаллоной полпыла к небу.

Пятеро оставшихся подбежали к месту катастрофы, постояли, сняв пилота, у огромного

